

ANNÉ D'AR

16+

Y 3 H H K

Anne Dar

УЗНИК

«Автор»

2016

Dar A.

Узник / А. Dar — «Автор», 2016

Камилла была долгожданным ребенком в семье, но еще в глубоком детстве потеряла обоих родителей. На воспитание девочку взяла тётка, и со временем между ними образовались “терпимые” отношения, основанные на безразличии друг к другу. После окончания школы Камила хочет уехать в столицу, но неожиданно обнаруживает в доме своей тетки страшную находку. Девушка понимает, что эта находка обязательно лишит её жизни, если она ослабит над ней контроль, но она также осознает, что не в силах уничтожить найденное. Вскоре прошлое девушки открывается с новой стороны, и Камила узнает, что на самом деле она не круглая сирота, а брошенный в детстве ребенок...

© Dar A., 2016

© Автор, 2016

Содержание

I	7
II	10
III	11
IV	13
V	15
VI	17
VII	20
VIII	22
IX	23
X	25
XI	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Anne Dar
Узник

ANNE DAR

УЗНИК

*У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.*

I

В году 365 дней, из них 180 пасмурных, 90 дождливых, 50 снежных и лишь 45 солнечных. Такова статистика погоды моего города за прошедший год. Возможно, именно она приводит к ежегодному оттоку молодежи из Богом забытого городка. Молодому человеку сложно жить в условиях вечной серости и сырости, ему хочется солнца и тепла, которых наш город не способен дать. После окончания школы все уезжают. Не обязательно в столицу, но обязательно куда-нибудь на юг, за тысячи километров, чтобы, наконец, согреть свою душу. Назад почти никто не возвращается, никогда. Город, число населения которого составляет всего лишь пять тысяч семьсот девяносто три человека, из последних сил дышит своими уставшими легкими, доживая свои последние, грядущие несколько десятилетий.

После окончания школы я хотела поступить в один из лучших университетов страны на биологический факультет кафедры ботаники в столицу, которая находится в восьми ста километрах от беспросветной серости. Для того, чтобы покинуть город, мне нужно было сдать три экзамена: язык, биологию и химию. Я собиралась преодолеть этот трамплин и могла бы сделать это с легкостью, вот только вовремя остановилась.

У меня не было ни братьев, ни сестер, однако я не жалела об этом, как делают большинство единственных детей в семье. До определенного момента я даже не задумывалась об этом, но, когда наступает полное одиночество, начинаешь думать о многих вещах, которым раньше не придавал значение. Раньше я думала, что полное одиночество присуще только людям, прожившим более полвека, чья голова устлана белёсой сединой, а лицо покрыто тонкими нитями морщин, отражающих историю их жизней. И когда в самом начале жизни я столкнулась с тем, что могло меня ожидать лишь спустя полсотни лет, я оказалась в растерянности, что, как я сейчас думаю, было глупо, ведь я всегда была наполовину одинока. Моих родителей я слишком плохо помню, до сих пор не забыть их окончательно мне помогали только изображения на старых серых фотокарточках. В фотоальбоме есть одна крупная цветная фотография, по которой можно воспроизвести в памяти голубые глаза отца и пышные каштановые волосы матери, однако я всё чаще ловлю себя на том, что мои воспоминания о родителях больше напоминают серый калейдоскоп, который я наполняю несуществующими в прошлой жизни красками.

Мой отец был родом из этого города, моя мать была из глухой деревни в трех ста километрах отсюда. Они познакомились в столице, когда отцу было двадцать шесть, а маме должен был исполниться двадцать первый год.

За пару лет до знакомства с моей матерью отец окончил медицинский университет с красным дипломом, что помогло ему остаться в столице в одной из городских поликлиник на должности кардиолога. Он снимал небольшую старую двухкомнатную квартиру возле железнодорожного вокзала, шум которого так сильно впечатался в мой детский разум, что я до сих пор его помню. Моя мать должна была стать медсестрой и, придя на практику в ту самую поликлинику, в которой уже работал мой отец, она познакомилась с нейрохирургом, который был на два года моложе моего отца, и кардиологом. В итоге из двух молодых людей она выбрала того, что был постарше, и, спустя год, влюбленные поженились. По неизвестной причине у молодой пары долго не получалось завести ребенка. Лишь спустя пять лет, когда моему отцу было тридцать два, а матери двадцать семь, двадцать девятого сентября родилась я. Имя ребенку достаточно долго не могли придумать и лишь по истечению месяца после рождения меня зарегистрировали под именем Камилла Тамм. Редкое имя с не менее редкой фамилией. Назвать ребенка в честь целебного растения было вполне логично, так как после пяти лет бесплодия цветок всё же появился на свет. С фамилией же всё немного сложнее. По отцовской линии мой прапрадед был эстонцем, так что моя фамилия имела эстонские корни. Как позже я узнала от своей тётки – «tamm», дословно переводится с эстонского, как «дуб».

Однажды, когда мне было два года, мои родители не вернулись домой. Двое суток я пробыла в пустой квартире, ожидая прихода семьи, но вместо этого дверь взломали незнакомые мне люди и, вошедший в квартиру мужчина средних лет, вынес меня на руках из коридора, в который я больше никогда не возвращалась. Позже я узнала, что мои родители не смогут меня забрать и мне придется уехать с женщиной, которую я впервые видела. Спустя несколько лет я узнала, что эта женщина приходится старшей сестрой моего отца, на момент нашей встречи ей было сорок четыре года.

На следующий день после знакомства со своей опекуной, мы сели в поезд и, спустя двое суток, ранним солнечным весенним утром, мы оказались в провинциальном городке, родине детства моего отца, в котором было достаточно Анастасий и не было ни одной Камиллы. С фамилией тоже было глухо. В городе из Таммов остались только моя попечительница, которая сменила свою девичью фамилию больше двадцати лет назад, и я. В итоге, я с детства неизбежно выделялась своими метриками. Чаще это вызывало во мне негодование, нежели радость, так как я всегда предпочитала оставаться в тени и тишине, в то время, когда мир вокруг меня бурлил.

Обычно люди привязываются друг к другу, живя под одной крышей вместе. Особенно склонны к образованию подобного роду уз, казалось бы, одинокие женщина и осиротевшая девочка, состоящие в кровной связи. Но ничего подобного с нами не произошло. Нельзя сказать, что тетя была ко мне холодна, но и тепла она ко мне не испытывала. Мы словно всю жизнь держались друг от друга на определенной дистанции, которая никого из нас не смущала и, со временем, даже начала облегчать нам жизнь. Я могла гулять допоздна зная, что обо мне никто не беспокоится, рано научилась сама готовить себе завтраки, мне не задавали лишних вопросов и не отчитывали за недоеденный ужин, а я, в свою очередь, не нарушала тишины, в которой по вечерам нуждалась моя сожительница, не просила покупать мне игрушек, которые были мне не нужны, и не требовала к себе повышенного внимания. Позже я осознала, что подобное безразличие со стороны единственного взрослого человека в моей жизни могло развить во мне отрицательные качества, ведь, когда ребенок осознает, что за ним не наблюдают и он лишен ежедневного процента контроля, он может позволить себе всё в плане поведения. А всё – это слишком много для формирующегося неустойчивого мира ребёнка. Однако, каким-то чудом, я смогла пройти по краю пропасти безразличия и, будучи предоставленной самой себе, я увлеклась окружающей меня средой. Город, в котором мне предстояло жить, был расположен в холмистой лесной местности, а тот факт, что мой дом был последним на улице и располагался на границе с лесом, мне облегчал жизнь. После занятий в школе и почти все выходные я проводила неподалёку в лесу, и чем взрослее я становилась, тем дальше от дома меня уводили тропинки.

С детства я полюбила уединение, хотя всегда осознавала его тонкую грань с одиночеством, которую боялась перейти и, отчасти из-за этой боязни, друзья у меня были. Они были либо старше меня, либо мои ровесники, поэтому я быстро лишилась близкого общения с ними, каждый год, после выпускного в школе, теряя каждого из них по одному. Переписки в социальных сетях становились всё реже, и, хоть мы и оставались друзьями, но близость, передающаяся через рукопожатие, и терпкость от слов, разливающихся во рту, исчезали. Оставались только чёрные буквы, на белом фоне монитора, от людей, которые проживали свои жизни за сотни километров от моей.

Ещё совсем недавно я тоже хотела поступить в университет, но желания вырваться из этого города, как у всех моих знакомых, у меня не было. Сейчас, задумываясь о том, почему я решила поступать в столицу, я не могу ответить себе на этот вопрос. Ведь можно было ограничиться и городом, который находится всего в восьмидесяти километрах к востоку отсюда, в нём также можно было поступить на биологический факультет, но я выбрала столицу. Навер-

ное, я решила, что если и стоит порывать с этим городом, то окончательно – уехать в самую дальнюю точку, на самый юг, в самый лучший университет.

II

Я сдала все три экзамена, по нужным для поступления предметам. По двум из трех получила наивысшие баллы и с замиранием сердца ожидала результата последнего экзамена, надеясь на то, что по данному предмету у меня получится набрать восемьдесят пять баллов – тогда моё поступление определенно и никто, и ничто, как мне тогда казалось, не сможет меня остановить.

За несколько дней до получения последнего результата на шестидесятом году жизни умерла моя попечительница. Это произошло ясным солнечным утром в восемь часов двадцать две минуты, четвертого июля. Я собиралась в очередной раз уйти в лес со своим рюкзаком, когда мальчишка с соседней улицы, лет одиннадцати, прибежал ко мне во двор. Когда я закрыла входную дверь и обернулась, он уже стоял на пороге и смотрел на меня широко раскрытыми голубыми глазами. Тяжело дыша, он сказал, что мою тётку только что увезли в больницу из-за обморока.

Спустя полчаса, стоя в старом белом коридоре на втором этаже трехэтажной шестидесятилетней больницы, я узнала, что моя опекунша умерла из-за неудачного падения. Почувствовав недомогание, женщина потеряла сознание и ударилась головой о булыжник, что и послужило следствием летального исхода. Опознать тело женщины мне не разрешили, обосновывая это тем, что я несовершеннолетняя и, к тому же, не самый близкий родственник умершей. Объяснения были слабыми, но я не настаивала и согласилась с тем, что опознавать умершую должна будет её дочь.

Держа перед собой и крепко сжимая светло-бирюзовый, с принтом мелких роз, рюкзак, июльским утром я вышла из больницы. На выходе меня ослепило яркое, еще не сильно припекающее, утреннее солнце. Идя домой, я думала лишь о том, что нужно позвонить дочери моей тётки. Никаких других мыслей в моей голове больше не было.

Зайдя домой я, не разуваясь, подошла к тёмно-коричневому деревянному столу, на котором лежала маленькая кожаная записная книжка. Найдя на шестой странице выведенный зеленым фломастером номер, над которым висели крупные буквы, сложенные в слово «Дочь», я, вдавливая прозрачные кнопки в серебристую трубку телефона, набрала чужие для меня цифры.

В подобных ситуациях люди чего-то ожидают от звонка: воображают себе голос поднявшего трубку или хотят предугадать реакцию собеседника на прозвучавшую информацию. Я же не ожидала ничего, моё воображение не рисовало ноты голоса моего будущего собеседника, мой разум не истязал себя попытками предугадать реакцию дочери умершей. Лишь тонкая нить солнца, падающая на старый персидский ковер, сейчас имела значение в моём сознании. Я всецело отдала себя этой нити, позволяя ей всецело проникнуть вглубь моей души. Мне хотелось, чтобы она смогла достичь своим тонким острым жалом самой сердцевины моего остывающего внутреннего мира и, дотронувшись, позволила бы сотням мелких осколков разлететься внутри меня, чтобы вся моя сущность содрогнулась от нежности тепла и света. Но мой внутренний стержень застыл, он превратился в охладевший серый гранит. Чем усерднее я пыталась распахнуть путь к окаменевшей глыбе, тем сильнее сгущался холод над солнечной нитью, превращая тропу, которую я для нее создавала, в непроходимые тернии подступающих заморозков.

III

События, происходившие после звонка, были разрушительно стремительны, словно внезапно налетевший вихрь, пережевывающий фундамент, на котором ты выстроил всю свою прежнюю жизнь. Из дня в день ты жил в тишине и умиротворении, как вдруг на твою обитель спокойствия налетает неудержимая сила. Она вздымает вверх щепки, которые остались от вчерашней жизни, и с головокружительной высоты швыряет их вниз, разбивая с ними последнюю надежду на то, что проснувшись, ты сможешь вернуться к прежней жизни.

Уже спустя восемь часов после моего звонка, незнакомка, представившаяся дочерью тётки, оказалась на пыльных улицах старого города. Приехав, она сразу отправилась в больницу, для опознания тела матери. Об этом я узнала позже, когда она постучала в дверь. Женщина приехала одна, что меня немного удивило. Я не владела информацией о составе её семьи, но, почему-то, была уверена в том, что семья у нее есть и что она придет не одна. Однако, на пороге кроме нее никого не было и я не решила расспрашивать её о подобных пустяках в данной ситуации. Женщина, приблизительно сорока лет, с крупными локонами на концах коротких волос, представилась Лидией и попросила впустить её в дом. Сняв тонкий бежевый плащ, она сообщила о том, что уже успела посетить больницу и похоронное бюро, заказав все необходимые услуги.

Приблизительно около восьми вечера, на серебристом рено, которое являлось копией машины, на которой ранее приехала Лидия, появился её муж. Еще через десять минут два незнакомца внесли в дом закрытый гроб и, расположив его на четырех, заранее подготовленных, деревянных табуретках, ретировались, получив за свои услуги незначительную плату. Не дожидаясь от меня вопросов, Лидия пояснила решение хоронить свою мать в закрытом гробу тем, что злосчастный удар пришелся на лицо умершей. Я не стала оспаривать решение женщины и расположилась на старом кресле-качалке, покрытом мягким пледом из овечьей шерсти.

Всё, что я знала о жизни тётки до меня – это то, что единожды она была замужем и что она овдовела около двадцати лет назад. Несколько раз за всю жизнь она говорила, что вышла замуж не по любви и мужа не любила, но я не знала о том, что у нее есть дочь. Об этом мне сообщил старик-доктор уже после её кончины, порекомендовав поискать номер телефона её дочери в личных записях умершей.

Погода за окном портилась. От солнечного дня в воздухе не осталось ни единого комочка тепла. Ветер за окном поспешно гнал огромные тучи, нависающие над гнущимися, от его силы, кронами деревьев. Он словно не позволял уставшей небесной вате зацепиться за тонкие ветви сгибающихся деревьев и лопнуть, скидывая с себя тяжкую ношу небесных слёз. В беспомощности тучи торопливо проплывали вдаль с надеждой освободиться от своего бремени где-то на севере.

Около половины десятого меня начала одолевать дремота. Из-за испортившейся погоды потемнело быстрее обычного. В комнате горела всего одна тусклая лампа, стоящая на журнальном столике рядом с молчаливой пожилой парой, сидящей у гроба. Тусклое освещение помогало дремоте одолевать моё сознание, позволяя ей всё сильнее сковывать меня своей тонкой паутиной.

С тех пор, как молчаливые гости появились в доме, тишина стала еще более плотной. Когда человек находится наедине с собой, тишина не кажется навязчивой, но когда молчание не нарушается сразу с трёх сторон, каждый лишний шорох начинает казаться значительным. Сосредоточившись на завывании ветра за окном и тихом, мерном тиканье часов, расположенных в противоположном конце комнаты, мои веки начали склоняться под тяжестью сумерек. Засыпая, мне казалось странным, что я слышу своё, как мне казалось, гулкое, медленное дыха-

ние, и совсем не могу расслышать дыхания соседей по комнате, с которыми мне предстоит провести грядущую ночь.

Во время первых, слабых минут дремоты, которые с легкостью мог разрушить любой шорох, я думала о том, как голубоглазая Лидия, среднего телосложения, невысокого роста, с выкрашенными в блондинку волосами, отличается от своей матери. Покойная была минимум на голову выше своей дочери, она обладала русыми, с немалой сединой, волосами и карими глазами. Такое кардинальное внешнее отличие между матерью и дочерью я оправдывала возможной схожестью дочери с отцом, которого я не знала и даже на фотографии его ни разу не видела, так что сравнивать было не с чем. Супруг Лидии был еще более замкнут, нежели его жена. При нашей встрече он ограничился кивком в мою сторону, в знак приветствия, который я ему сразу же вернула. Долговязый, худощавый, с черными волосами, которые начала беспощадно пронизывать седина, он казался отстраненным, но, в то же время, сосредоточенным на чём-то своём, далёком от этой комнаты и стоящего перед ним гроба.

Судя по машинам, которые стояли сейчас возле дома, духам, которыми благоухала Лидия, и утонченному стилю в одежде, который невозможно было не заметить даже самому заезженному невежде, эта пара была далеко не из бедных. Возможно, они даже среднему классу не принадлежали, однако их руки не были украшены золотыми часами, кольца с бриллиантами на пожилых пальцах также не красовались, так что окончательного вывода, по поводу их социального статуса, сделать для себя я так и не смогла.

Пару раз, за прошедшие несколько часов, пожилая чета перешептывалась между собой, но из моего кресла было невозможно что-то разобрать и, к тому же, они быстро умолкали, не давая даже шанса уловить хотя бы одно вылетевшее из их уст слово.

Так как спать в комнате умершей мне не хотелось, а диван, на котором я обычно проводила свои ночи, сейчас принадлежал онемевшим гостям, я всю ночь провела в своём кресле. Мой сон был слаб. Мне казалось, что в любую секунду я могу встрепенуться от малейшего шороха, однако в доме повисла гробовая тишина и я ни разу за всю ночь не раскрыла глаз.

IV

Я проснулась в половину седьмого с незначительной болью в пояснице. За окном, возле безмолвной дороги, разлились тёплые лучи утреннего солнца и ничто в природе, казалось, не помнило о вчерашнем ненастном вечере.

Так как окна гостиной выходили на запад, она всегда казалась слишком затемненной, поэтому я не сразу поняла, что наступило утро. Встав со своего покачивающегося кресла, я, по привычке, отправилась на кухню, в которую, в отличие от гостиной, по утрам всегда проникали лучи солнца, благодаря, смотрящему на восток, окну. Однако, не смотря на то, что каждое солнечное утро кухню озаряли тонкие золотистые лучи, она также никогда не была переполнена солнечным светом из-за преграждающего ему путь леса. Могущественные тополя, впившиеся своими мощными корнями в земную кору, красовались в пятнадцати шагах от дома и, своими грозными силуэтами закрывали половину положенного кухне света. Я часто любила сидеть под этими тополями, особенно в период их цветения, когда в воздухе повисают сотни пушинок разного размера и формы. Серовато-белые в тени и прозрачно-желтые на солнце, они запутывались в волнах моих густых каштановых волос, ненавязчиво прилипали к одежде, оставались между страниц моих любимых книг, чтобы я случайно находила их дождливой осенью или холодной зимой. Я люблю тополя, люблю их величественность, люблю их лёгкий пух.

Проходя мимо онемевшей пары, сидящей в том же положении, в котором я оставляла их засыпая, я хотела сказать «доброе утро», но оно таковым не являлось, поэтому я лишь предложила им позавтракать. Лидия чеканно отклонила предложение, сказав, что часам ранее они уже позавтракали. Её муж, имя которого для меня так и осталось тайной, не проронил ни слова. Если бы я не была свидетелем его вчерашнего перешептывания с женой, я бы всерьез задумалась о том, что он нем. Я посчитала странным тот факт, что не услышала их передвижения по комнате, ведь, как мне казалось, этой ночью я спала достаточно чутко. Но Лидия перебила мои мысли, не дав забраться необоснованным подозрениям вглубь моей не выспавшейся души. Женщина сообщила, что похороны состоятся уже спустя два часа. На мой вопрос о том, кто будет присутствовать, последовал краткий ответ:

– Нас будет трое и священнослужитель.

Я бы возразила, если бы знала о каких-либо друзьях умершей, которые хотели бы присутствовать на её похоронах, но таковых я не знала даже среди соседей, потому молча согласилась. Нет, знакомые у нее, безусловно, были, но это были лишь знакомые – не друзья, и, если родная дочь умершей не захотела никого из них приглашать, я не намеревалась ей препятствовать. Я вообще ничего не понимала в похоронах и во всём, что с этим связано, так как ни разу в жизни еще не сталкивалась с данным процессом. Наверное, поэтому всё, что делала эта пара, казалось мне правильным или, как минимум, приемлемым.

Я уже хотела войти на кухню, когда в одном из продолговатых витражных окон, расположенных по бокам от входной двери, заметила движение. Я знала, что это мальчишка-почтальон, который устроился на летнюю подработку в помощь своей старухе, разносит утреннюю прессу. Он всегда начинает свою работу ни свет ни заря, чтобы поскорее покончить с прессой и оказаться дома наедине с сытным завтраком.

Изменив свой маршрут, я вышла на крыльцо. Хотя день и обещал быть тёплым, утро было достаточно прохладным. Пройдя по газону, устланному густой росой, я пересекла черту массивной тени, которую отбрасывал, выкрашенный в серо-зеленый цвет, дом и дотронулась до почтового ящика, освещенного золотистыми лучами утреннего солнца. Взяв в руки прессу, я обернулась и, зажмурившись, посмотрела на солнце, которое медленно всплывало над домом, не позволяя кривым ветвям деревьев зацепиться за своё золотистое одеяние и замедлить его ход.

Снова войдя в, незаметно покидающую свои рубежи, полосу тени, я почувствовала прохладу и, пробегающие по коже мурашки, заставили меня ускорить шаг.

Еще не дойдя до порога дома, я раскрыла конверт, в котором должны были находиться результаты экзамена для поступления в университет. В нем не было ожидаемых и так прежде желаемых восьмидесяти пяти баллов, в нем были все восемьдесят девять. С такими баллами я гарантированно могла поступить в любой университет страны на подходящую мне специальность.

Закрыв за собой дверь и сняв резиновые шлёпанцы, я отправилась на кухню, посмотрев в сторону немых гостей, которые даже взглядом не повели в мою сторону. Залив овсяные мюсли молоком, я села на стул, подобрав под себя ноги и поставив подбородок на колени. Потирая замерзшие от утренней росы пальцы ног, я начала рассматривать уже знакомый результат прохождения экзамена. Спустя минуту, средним пальцем правой руки, я отодвинула бумагу на середину стола и поставила на её место глубокую белую тарелку с завтраком. Тщательно пережевывая пищу, я смотрела на лежавший передо мной документ. Доев завтрак и вымыв посуду, я сложила бумагу, уже не имевшую для меня никакого значения, в конверт и положила его рядом с двумя идентичными ему белоснежными прямоугольниками, которые также были заполнены уже бесполезной для меня информацией.

Я хотела отправиться в гостиную, но остановилась, чтобы еще немного насладиться играющими в листве деревьев лучами. Я словила себя на мысли, что возвращаться в тёмную гостиную к людям, которые буквально окаменели над стоящим посреди комнаты гробом, мне не хотелось. Более того, меня напрягала их неизменная поза. Но, самое отталкивающее, что могло бы вызвать во мне даже страх, если бы я была слабонервной, то, что они застыли над гробом не от горя утраты, ни от боли и скорби, а от ожидания. Они словно ожидали того часа, когда можно будет избавиться от содержимого этого ящика и, сев в, обтянутые кожей, сиденья своих серебристых машин, можно будет умчаться за сотни километров из оторванного от всего мира города.

V

Процесс погребения прошел достаточно быстро. Священник, внешность которого больше походила на сторонника культуры хиппи, нежели на церковного служителя, быстро проговорил несколько кратких молебнов и призвал двух наемных работников засыпать могилу. Мне почему-то казалось, что гроб откроют хотя бы на пять минут, для возможности попрощаться с умершей. Но его просто опустили в яму и засыпали рыхлой землей. Прощальных слов не прозвучало и мне впервые за прошедшие сутки по-настоящему стало грустно. Лидия с мужем поспешили уйти сразу после священника, я же решила остаться, сказав, что приду домой чуть позже.

Было девять часов солнечного утра, я стояла на старом кладбище, которое располагалось примерно в двух ста метрах к югу от дома. Слушая переливы птичьих голосов в лесу, на краю которого разместилась свежая могила, я думала о том, что благодаря отсутствию соседей с южной стороны, из окна комнаты умершей можно будет видеть её надгробие.

Кладбище было заброшено, на нем давно не хоронили местных жителей. Беспризорные и искаженные временем надгробия были сильно обветшалыми. От дождей и ветра их защищали лишь многослойное покрытие мха и опавших листьев. Я никогда не приходила сюда, хотя мой дом находился в непосредственной близости, поэтому изучить резные надписи на древних надгробиях мне еще только предстояло, так как я собиралась посещать могилу умершей, чего, очевидно, не думала делать её дочь. Осмотревшись, я насчитала около двадцати могил, не учитывая тех, которые остались без надгробий. Идя сюда сегодня утром, я спросила у Лидии о том, как ей удалось договориться с городскими властями о похоронах на заброшенном кладбище. Оказалось, что здесь захоронена вся ветвь рода Таммов, не считая оставшихся в живых её и меня, поэтому договориться о захоронении на родовом кладбище было не сложно. Меня зацепила эта информация. Не понимая почему тётка не рассказала мне о том, что у моего семейства есть родовое кладбище, я спросила у единственной, кто мог утолить моё любопытство. Но в ответ я услышала лишь краткое «не знаю», которое не могло меня не разочаровать. В детстве моя опекунша запрещала ходить на это кладбище, что было вполне логично, мне и самой не хотелось гулять в подобном месте. Хоть кладбище и не было ограждено никаким, даже анахроническим забором, я всегда неосознанно обходила его стороной. И не только я. Ни разу за всю свою жизнь в этом городе, я не увидела ни единой живой души, посетившей хотя бы единожды одну из могил.

Возвратившись, я застала пожилую пару, которая постаралась организовать быстрые похороны, ожидающей меня на пороге. Их ровная осанка была настолько идеальна, что даже казалась неестественной. Только сейчас, подходя к дому и смотря на этих людей, я поняла, что всё в них какое-то искусственное, будто они выплавлены из пластмасса. Если раньше я не до конца понимала, что именно в них меня отталкивает, то сейчас, осознав что причиной является их искусственность, мне стало не по себе. Поэтому когда я узнала, что они собираются уехать прямо сейчас, я с облегчением выдохнула, так как понимала, что еще одна ночь под одной крышей с неприятной для меня парой, далась бы мне с тяжестью. Однако я всё же удивилась, хотя и не подала вид, тому, что они уезжают так быстро. Мне казалось, что пожилая чета пробудет в городе минимум еще одну ночь.

Сказав о том, что в этом году я не собираюсь поступать в университет и остаюсь в городе, мне показалось, что на лицах пожилых людей появилось облегчение. Позже в разговоре, в котором участвовала только я и Лидия, выяснилось, что дом, который, как я думала, она захочет продать, двоюродная сестра оставляет мне. Я смогла объяснить это себе только тем, что пара достаточно обеспечена и не нуждается в тех копейках, которых стоил этот ветхий сарай. Да и кто захочет покупать тухлый дом на краю забытого всеми города? Так пара избавилась

от лишних хлопот связанных с этим городом, в то же время, делая мне услугу, позволяя бесплатно продолжать жить в никому не нужном, кроме меня, жилище.

Закрыв за собой дверь, я наблюдала через витражные окна прихожей, как два серебряных рено уезжают в неизвестном мне направлении.

Прошедшие сутки и вправду были тем самым разрушительным вихрем, после которого нужно заново учиться жить. Еще вчера я надеялась на то, что смогу приезжать сюда на каникулы, проводить здесь каждое лето и наслаждаться тополиным пухом, и вчера же я потеряла последнюю нить, которая могла бы оправдать моё возвращение в этот город. Закопав эту нить в двух ста метрах от дома, я окончательно решила остаться в этом городе, чтобы больше не искать причин для возвращения. Не то чтобы я была привязана к городу – я любила местность, в которой он располагался. Вековой лес, крутые овраги, извивающиеся реки, глубокие озёра, мощные ливни, густые туманы, золотые рассветы, алые закаты, – я хотела прожить среди всего этого всю свою жизнь, даже если в её конце меня похоронит неизвестный мне человек, на давно заброшенном родовом кладбище.

VI

Двадцать девятое сентября. Я проснулась в девять утра, когда солнце за окном уже прогнало с газона отбрасываемую домом тень.

Прошло почти три месяца с того дня, когда я окончательно решила остаться в этом городе, в этом доме, в этой комнате. Первые две недели я целиком провела в лесу, возвращаясь домой только на ночь. Лето и весь сентябрь выдались на редкость солнечными, редкие грибные дожди быстро заканчивались, что позволяло мне полностью отдаться природе, не испытывая дискомфорта. Возможно я провела бы в полном уединении еще много дней, если бы однажды не наткнулась на пустоту в холодильнике. Последние запасы в виде консервов и сухарей закончились. Пересчитав деньги на продукты, которые всегда лежали в жестяной банке на кухне, я отправилась в город, чтобы вновь забить холодильник до отвала и днями пропадать в лесу. Собирая осенние лесные ягоды, дикие яблоки и беря с собой рюкзак со скромными закусками, я никогда не оставалась голодна. Приходя домой, я обжаривала найденные грибы, которыми в это время года был полон лес. Грибов было так много, что я просто проходила мимо грибниц, не желая перегружать свой рюкзак.

Уже возвращаясь домой из супермаркета, я встретила мальчишку-почтальона, который этим летом прибежал ко мне на крыльцо, чтобы сообщить о фатальном обмороке моей тётки. Он также ходил за покупками и, заметив меня, предложил погрузить мои сумки в корзину на его велосипеде, которая располагалась на передней раме. Я приняла предложение с условием, что велосипед буду катить сама. Разместив пакеты с покупками равномерно по всему велосипеду, так как все наши запасы не вместились в корзину, мы отправились в сторону нашей улицы. Мальчик рассказывал о школе и матери, заболевшей еще весной, но уже идущей на поправку, за которой он присматривал, когда я вдруг услышала странное скуление. Остановившись, я начала прислушиваться и мальчишка замолчал. Возле забора старого здания бывшего магазина, завывал мокрый, рыжий, с белой грудкой и лапками, кот. По его жалкому виду было видно, что он беспризорный. Тощий как доска, он застрял правой лапой в консервной искореженной банке и не мог из нее высвободиться, поэтому промок под недавно прошедшим грибным дождём. Я высвободила бедное животное и в этот же день отправилась к ветеринару. Рана кота оказалась незначительной и я узнала, что спасла годовалую особь мужского пола породы Рагамаффин, которая в дословном переводе весьма символично звучит как «оборванец». Думаю не стоит обсуждать мою фантазию, кличка кота сама вертелась на языке – я назвала его Маффин и решила оставить себе.

Появившееся рядом живое существо сначала внесло некое разнообразие в мою жизнь отшельника, но вскоре всё снова встало на свои места – я пропадала в лесу, а кот снова был предоставлен самому себе. Мы встречались только вечером на пороге дома и утром на кухне. Откормленный, вымытый, вычесанный, с красующимся на шее тонким ошейником от блох, он оказался очень пушистым. Спустя месяц со дня нашей встречи, он выглядел по-настоящему царственно. В голове не укладывалось, как такой породистый красивый кот вдруг стал никому не нужен и оказался на задворках всеми забытого города. Не смотря на особенности своей породы, Маффин всё же стал замечательным охотником на мышей, которые начали заводиться в полупустом доме. Возможно благодаря вовремя развившимся охотничьим инстинктам, он и смог выжить до встречи со мной.

Однажды ночью, в начале августа, я проснулась от света фар грузовой машины, случайно проникнувших в гостиную и скользнувших по моему лицу. Я подошла к окну и начала наблюдать за тем, как в заброшенный дом через дорогу, который находился напротив дома моей старухи-соседки справа, начали вносить мебель. Всю ночь возле моих окон шумели и проезжали какие-то машины, не давая нормально выспаться, и уже утром я узнала, что дом, кото-

рый походил скорее на разваливающийся курятник, купила весьма необычная семья. Моими соседями оказались очень общительные люди, которые ходили знакомиться с утра пораньше.

Обычно я просыпалась в шесть утра и в половину седьмого уже выходила из дома, но из-за шумной ночи я проспала на час дольше. Выйдя на крыльцо в восемь часов с намерением закрыть входную дверь и отправиться по протоптанной тропинке в лес, я увидела входящих в мой двор людей разного возраста, биографию которых, в течении следующих двух часов, мне пришлось узнать в мельчайших подробностях.

Семидесятилетняя Регина была бывшей стюардессой. Больше сорока лет назад она вышла замуж за человека, который был родом из этого города. Именно поэтому, узнав о своей болезни, она решила приехать на родину покойного мужа, чтобы на природе лечение пошло лучше. Её тридцатисемилетний сын Антон был египтологом, но переехав, для того, чтобы присматривать за старой матерью, смог получить лишь место охранника в детском саду. Тридцати шести летняя невестка старушки, жена Антона – Катерина, смогла выбить место флориста у местных властей. Еще женщину сопровождал внук от старшего сына, погибшего в авиакатастрофе десять лет назад, двадцатипятилетний Макс, на тот момент еще не нашедший места работы, но уже спустя три дня устроившийся барменом в одном из частных заведений.

Сначала мне не понравилась излишняя навязчивость этого семейства. Я не понимала, зачем мне знать подобные подробности из их жизней, которые меня совсем не интересовали. Но за куском вкуснейшего малинового пирога, который они принесли с собой, я расслабилась и в итоге они показались мне весьма милыми. Я даже посчитала себя слишком придирчивой, поэтому в дальнейшем спокойно рассказала о своей жизни, в которой кроме кота никто не присутствовал и о том, что недавно похоронила тётку и решила отложить поступление в университет. Спустя два часа непрерывного расспроса обо мне и рассказа о себе, незваные гости ушли, накормив меня перед уходом пятью кусками пирога. И хотя они мне в итоге понравились, всё же их рассказ о себе больше напоминал тщательно составленное досье, нежели обычные картинки из человеческих жизней.

Сделав подсчет деньгам спустя несколько дней после смерти тётки, я поняла, что денег хватит примерно до середины октября, поэтому сразу решила разобраться со своим трудоустройством. В провинциальном городе сложно найти свободное рабочее место и я не понимала, как именно удалось моим соседям справиться с этой задачей так быстро. Я смогла найти себе место лишь в начале августа – в местной библиотеке шестидесятипятилетняя старушка решила выйти на пенсию, чтобы помочь сыну присматривать за тремя внуками. Однако женщина уходила на пенсию лишь тридцатого сентября, так что приступить к работе я могла только с первого октября – а это уже послезавтра.

Сегодня, двадцать девятого сентября, в день своего рождения, за два дня до моего первого рабочего дня, который я с нетерпением предвкушала, я решила навести генеральную уборку во всём доме, которая не проводилась уже более года. В течении всего дня я выбивала ковры, драила полы, вычищала кухню, протирала окна и перебирала кучу старого барахла. Примерно в час дня ко мне зашел Макс, с которым за два месяца я успела сблизиться. В последнее время мне стало казаться, будто этот парень, который старше меня на семь с половиной лет, начал проявлять ко мне излишнее внимание. Я не задумывалась над тем, что могу ответить ему взаимной симпатией, но, так как за мной раньше никто не ухаживал, сам факт был приятен. После очередного съеденного пирога его бабушки (его ела только я, Макс лишь пил заваренный мной зеленый чай, ссылаясь на то, что объелся этими пирогами дома), я снова принялась за уборку. В девять часов вечера я окончила мучительный процесс и села на кресло-качалку. Библиотеку, которая была в виде прибитых к восточной стене переполненных деревянных полок, я решила оставить на завтра. Немного отдышавшись, я посмотрела на огромную коробку, набитую всяким барахлом, и, подумав еще пять секунд, решила её занести в комнату, к которой вела тёмно-коричневая широкая лестница. Потолки дома были очень высокими,

что могло в будущем позволить достроить дополнительный этаж, но, видимо прежние хозяева ограничились лишь одной комнаткой, которая выступала с обратной стороны фасада дома. Я часто любила сидеть летом на траве под высоко нависающей над головой комнатой и читать какую-нибудь книгу или рисовать...

Однажды в детстве тётка запретила мне подниматься по этой лестнице, когда я играла у её подножья. Я прекрасно помню, что даже не собиралась подниматься наверх и после просьбы опекуни никогда даже не задумывалась об этом, чтобы не огорчать её. Наверное, в той комнате она хранила остатки своих воспоминаний и было бы грубо, и эгоистично до них дотрагиваться при её жизни. Однако сейчас её нет и мне следует куда-то деть остатки воспоминаний о ней, которые уместились в одну большую коробку.

Недолго думая я отправилась наверх. Лестница казалась не такой старой, как весь дом. Ни единая её ступенька не скрипнула под моим весом. Очутившись на достаточно широкой квадратной лестничной площадке, я обратила внимание на красивое круглое окно, находившееся минимум на десять сантиметров выше моего роста, через которое скоро должны были пробраться первые лучи холодной луны. Казалось, что оно не протиралось вечность и я встала на носочки, чтобы провести пальцем по запыленному стеклу, оставляя на нём тонкую чистую полоску. Когда я отдернула палец, чтобы посмотреть на слой накопившейся на нем пыли, я случайно что-то сдернула с миниатюрного круглого подоконника и это что-то звякнуло на полу возле правой ноги. В доме было уже достаточно темно, поэтому я не сразу поняла, что этим чем-то был маленький серебристый ключик, украшенный причудливыми гладкими завитками. Я подумала, что ключ мог быть предназначен для массивной, старой, резной дубовой двери, которая находилась слева от меня и закрывала путь в комнату, в которую я желала попасть. Долго ища замочную скважину и не найдя её, я уселась напротив запертой двери, и оперлась спиной о резную перегородку, которая отделяла меня от падения вниз. Еще с полминуты я рассматривала ключ, после чего положила его в левый карман свободных штанов, напоминающих афгани, и снова прильнула к двери. Не сразу, с трудом, но всё же мне удалось её отодвинуть. Дверь оказалась тяжелее чем я предполагала и из-за того что она была снята с верхней петли, мне пришлось её буквально отволочь в сторону и облокотить о стену, под круглым окном. Тяжело дыша, я посмотрела на решетку, которая находилась сразу за отпертой дверью. Дернув её, я заметила массивный старый замок. Недолго думая я достала миниатюрный ключ, однако мало верила в то, что эта щепка способна подойти к подобной глыбе. Но она подошла, замок щелкнул и с легкостью, несмотря на свою увесистость, открылся.

VII

Комната, на пороге которой я стояла, была полностью погружена во мрак. Было сложно что-то рассмотреть, однако я сразу обратила внимание на то, что комната более походит на широкий коридор, нежели на спальню. Справа от меня была распахнута дверь. Войдя в нее я поняла, что нахожусь в старой уборной, отделанной пожелтевшей плиткой. Здесь располагалась ржавая душевая, терпимо сохранившийся унитаз и старая раковина, над которой висело зеркало в красивой багетной раме. Даже в темноте было заметно насколько эта рама изысканна и я, недолго думая, решила вынести зеркало вниз, когда перенесу сюда барахло. На мгновение я даже немного разочаровалась из-за того, что комнатой покрытой тайной оказался всего лишь старый туалет. Только сейчас я поняла, что ожидала большего.

Выйдя обратно в тёмный коридор, я заметила чёрный км, лежавший возле затемненного угла. Коридор был с выступом слева, поэтому свет из окна, которое находилось в конце коридора, не проникал за этот выступ. Сделав несколько шагов смотря на этот комок, я подошла к нему впритык и, сев на корточки, взяла в руки нечто. Я понимала, что это было что-то из одежды, но мне хотелось рассмотреть отчетливее, поэтому я включила фонарь на мобильном и, осветив чёрную толстовку, которую я нащупала, мне стало не по себе. Всё еще смотря на то, до чего я дотронулась, я вдруг всем своим телом почувствовала, что я не единственное живое существо, находящееся сейчас в этом коридоре. Я каждой клеточкой тела чувствовала присутствие кого-то буквально в нескольких сантиметрах передо мной и эта близость настолько холодила моё сознание, что я просто замерла, как замирает жертва, когда бежать уже бесполезно, в надежде, что её не заметят. Не поднимая головы, я лишь направила взгляд на того, кто был передо мной и с ужасом, и криком отскочила, выронив телефон. Я буквально впечаталась всем своим телом в соседнюю стену и замерла. Мобильный упал на выпущенную из моих рук толстовку так, что фонарь четко освещал предмет моего испуга. Передо мной сидело иссушенное тело молодого человека, одетого в тёмно-синие джинсы и чёрную футболку с каким-то серым неразборчивым изображением. У него были густые, но не очень длинные, чёрные как крыло ворона, волосы, из-за которых он выглядел заросшим. Он обладал красивыми, словно вырезанными скулами, красиво очерченными губами и густыми, длинными ресницами. Всю эту безупречную красоту портило лишь одно – его тело, кажущееся настолько живым, словно он всего лишь заснул и готов в любую секунду проснуться, пронизывали синие вены. Маленькие и большие, они выступали из-под тонкой кожи на руках, шее, лице... Казалось, я вижу всю его венозную систему. Чучело было сделано искусно и, на секунду, из-за недостатка света я приняла его за живое существо. Я больше не сомневалась в том, что передо мной муляж, так как живой человек не смог бы пролежать на чердаке неизвестное количество лет и остаться в живых. Если бы здесь и застрял живой человек, и, по неизвестным мне причинам, ему никто не помог, он скончался бы мучительной смертью, от истощения и обезвоживания, и сейчас бы передо мной было как минимум разложившееся тело, а как максимум – скелет. Однако передо мной был, казалось, человек в расцвете сил, полный энергии, словно ожидающий прикосновения к плечу, которое должно придать ему сил и разбудить. Вся эта картина сейчас, ночью, была настолько жуткой, что я точно не хотела притрагиваться к даже настолько красивому чучелу. Решив вернуться сюда утром, я сделала два медленных шага в его сторону и, так и не решившись подойти ближе, нагнулась, и потянулась за мобильным телефоном издалека. Взяв телефон я не успела отпрянуть, как в мою сторону последовал резкий выпад со стороны чучела и я поняла, что оно схватило меня за запястье. Оно резко потянуло меня к себе, вцепившись в мою руку, и я закричала от ужаса. В его руке было столько силы, сколько не могло быть у мертвеца или чучела, однако я смогла выдернуть своё запястье и, всё еще крепко сжимая телефон, упала

на спину. Я хотела вскочить, но не успела. Он схватил меня за правую ногу и с дикой, нечеловеческой силой, подтянул меня к себе. Спустя еще секунду я почувствовала невыносимую, жгучую боль в правой лодыжке и из моей груди вырвался дикий крик. Он поднес ногу ко рту и впился своими, острыми как бритва, зубами в мою лодыжку. По моей ноге потекла тонкая струйка крови. Я не видела её, но чувствовала её теплоту, чувствовала, как этот человек, это существо буквально вытягивает из моей лодыжки струю крови и слышала, как звонко он её сглатывает. Казалось, что с каждой секундой его хватка усиливалась, но я была уверена в том, что еще могу высвободиться и со всей силой отчаявшейся жертвы я начала выдергивать свою ногу из его рук, второй ногой нанося удары по его шее. В момент когда он дрогнул, я уперлась левой ногой в его глотку и, оттолкнувшись, высвободила пострадавшую ногу. Я резко встала и почувствовала, как ледяные кончики пальцев незнакомца проскользнули по коже моей левой голени. Боясь, что он снова схватит меня, я изо всех сил оттолкнула его и кинулась к двери с ужасом слыша, как он медленно преследует меня. С дикой, горящей болью в ноге от укуса, оставляя за собой липкий след крови, я добежала до двери и захлопнула решетку. Уже набрасывая старый замок я увидела как он, опираясь на стену, приближается ко мне. Осознание того, что я не успеваю закрыть замок, бросало меня в озноб. Дрожащие руки хуже справлялись с поставленной перед ними задачей, однако, когда рычащий незнакомец был буквально в паре сантиметров от решетки, я успешно щелкнула замком. Но я не успела отпрянуть прежде чем незнакомец просунул руку через решетку и схватил меня за правое предплечье.

– Отдай ключ, – властно потребовал он.

– Нет, – испуганно ответила я.

Он с невероятной силой и злостью в глазах подтянул меня к себе, и моё правое предплечье буквально впилось в толстую резную решетку. Испугавшись, что он отберет ключ, я выбросила его через перила.

– Ах ты, – злостно через зубы выдавил незнакомец и впился в мою правую кисть.

– Нет, отпусти меня! Отпусти, не надо! – Я не приказывала, я умоляла. Дикая боль проникала от запястья до самого сердца, но я не плакала, а лишь продолжала биться о решетку. Я кричала о том что мне больно, о том что я ничего ему не сделала, чтобы подобным образом убивать меня, ведь мне почему-то казалось, что он непременно хочет меня убить. Я билась о решетку ногами и руками, но в глубине души понимала, что из железной хватки мне не высвободиться. Спустя минуту я начала понимать, что мои мольбы становятся слабее, голос начинает хрипеть и сил сопротивляться у меня всё меньше. Еще минута – я потеряю сознание и это чудовище, словно огромный страшный паук, с легкостью подтянет моё тело к себе, чтобы впиться в моё обездвиженное тело. Осознав это, мне в голову пришла совершенно неожиданная идея и я незамедлительно её осуществила. Я решила ответить взаимностью и укусила его за руку, которой он удерживал меня. Он резко выпустил меня из своей железной хватки скорее от неожиданности, нежели от боли, и я, не ожидая такой моментальной реакции на моё сопротивление, не устояла на ногах, упала на пол и сильно ударилась головой. Я прекрасно помню, как пыталась подползти к ступенькам ведущим вниз, но в итоге лишь легла у их изголовья, в моих глазах потемнело, в ушах разлился серебристый звон и я потеряла сознание.

VIII

Я проснулась от неприятной боли во всём теле. Первые десять секунд я не понимала где я и почему лежу на твердой поверхности, которая, судя по неприятным ощущениям, и является причиной моей утренней ломки. Я перевернулась на спину, наблюдая за тем, как мои каштановые волосы волнами спускаются вниз по деревянной ступеньке, начинающейся у моего изголовья. Переведя взгляд вниз, я увидела, как солнечные лучи, проникающие с кухни в тёмный зал, весело искрятся. На мгновение я потерялась во времени: я не знала который сейчас час, время суток и день. Но я не успела заикнуться ни на мыслях о времени, ни на солнечных зайчиках, когда меня вдруг охватил страх. Переводя взгляд со струящихся волос на потолок, я мимолетом заметила что-то непонятное, находившееся за решеткой. Мне хватило трех секунд, чтобы понять, что нечто наблюдает за мной и меня охватила паника. Моё дыхание замерло, я посмотрела за решетку и увидела за ней человека. Вдруг недавние события яркими пятнами всплыли в моей памяти и я резко попыталась встать, но передо мной всё поплыло и потемнело. Либо я успела потерять достаточно крови, либо слишком сильно ударились головой, однако встать у меня получилось только с третьего раза и в процессе я чуть снова не откинулась. Молодой человек за решеткой молча и внимательно наблюдал за мной, я даже его дыхания не слышала. Встав на ноги, я почувствовала острую боль в правой лодыжке. От неожиданности я вскрикнула, мой тихий писк перешел в шипение и, крепко держась левой рукой за перила, я начала спускаться вниз настолько быстро, насколько могла себе это позволить. Я была похожа на улитку, медленно тянущуюся вниз и оставляющую за собой еле заметный след подсохшей крови.

Очутившись у подножия лестницы, я села на пол, чтобы отдышаться. В ушах снова появился звон, перед глазами замерцали черные пятна. Еще через пять минут я добралась до кухни, мастерски перевязала искусанные правую лодыжку и кисть правой руки, взяла рюкзак с бутербродами и термосом, и, хромая, быстро вышла из дома. Мои мысли путались, поэтому я толком не могла соображать, тем более анализировать произошедшее и принимать решения.

День был солнечный и, позавтракав бутербродами под тополем, который рос напротив дома на границе с лесом, я полдня провела на солнышке. Я понимала, что нахожусь в некоем шоке, который ранее мне не доводилось испытывать, но недомогание было сильнее, поэтому, спустя полчаса после плотного завтрака, я начала дремать. На солнце было приятно спать, однако какое-то легкое беспокойство, которое рывками накрывало меня, не давало мне расслабиться до конца и погрузиться в сладкий сон.

Я отошла от шока и дремоты только спустя пять часов – в три часа дня. После того, как я протерла глаза, моё внимание привлекло что-то тёмное в окне второго этажа. В этом окне никогда ничего кроме пустоты не было, поэтому сейчас, увидев в нем темную фигуру покусавшего меня незнакомца, моё сердце снова застучало сильнее. Встав с зеленой травы и подняв свой рюкзак, я, прихрамывая, отправилась домой. Боль буквально раздирала лодыжку и я знала, что эта боль еще не скоро отпустит меня. Я приближалась к дому под пристальным взглядом пугающего незнакомца, не смотря в его сторону. Я предпочла идти с опущенной головой, смотря себе под ноги и чувствовать его колкий взгляд всем своим телом. С каждым шагом, приближающим меня к дому, на меня накатывали волны паники и страха, с которыми всё сложнее становилось бороться. Замешкавшись на пороге дома, я дернула дверь и уверенно переступила через порог. Я знала, что мне нужно сделать в течении ближайшего получаса и это придавало мне уверенности.

IX

Бросив рюкзак у входа я отправилась в зал и принялась искать ключ, который спас мне вчера жизнь и, возможно, до сих пор её спасает. Спустя две минуты я нашла его и, сунув в карман, вышмыгнула из дома.

Я решила отправиться в библиотеку, где завтра мне должны были предоставить рабочее место и лишь после того, как мои мысли придут в порядок, вечером поговорить с этим человеком. До тех пор он посидит за решеткой, остынет, проголодается и будет не таким буйным.

Светило тусклое солнце, по узким улочкам бегал прохладный ветерок, предвестник вступающей в силу осени. Я думала о том, что именно мне нужно делать: рассказать кому-нибудь или промолчать? Если рассказать, то кому? Макс и его семье? Это первый вариант, который пришел мне в голову и хоть я любила эту семейку, она мне казалась слишком уж навязчивой – это немного отталкивало.

Придя в библиотеку я застала старушку, которую завтра должна была сменить. Она была в восторге от того, что я пришла именно сегодня и ей не придется передавать мне свои дела завтра. Рассказав мне всё в мельчайших подробностях от правил пожарной безопасности до картотеки посетителей, при этом постоянно разбавляя инструктаж рассказами о личной жизни, она провозилась со мной до девяти вечера, хотя рабочий день заканчивается в пять.

Возвращаться домой было страшно. Мысль о том, что незнакомец выбрался из своей клетки и ожидает меня дома, заставляла кровь стынуть в жилах. Потоптавшись возле закрытого здания библиотеки еще с полчаса, я всё таки решила пойти к Макс. К моему удивлению в окнах его дома не горел свет, однако я всё же зашла на крыльцо и постучала в дверь. Спустя пять минут настойчивого бийения в дверь и вглядывания в окна без тюлей, я окончательно потеряла надежду на то, что ко мне кто-нибудь выйдет. Уже медленно идя к своему дому я думала о том, что увидела в окнах дома, который больше походил на сарай – это запущенность. Ощущение, словно в нём никто не обитает уже очень давно, при том, что сейчас в нём живет сразу четыре человека. Возможно, они стеснялись состояния своего дома, поэтому ни разу за всё время регулярного посещения меня, не приглашали к себе.

Зайдя домой, я сделала пару быстрых шагов внутрь и включила свет в гостиной. Посмотрев вверх, я с облегчением выдохнула увидев незнакомца запертым за решеткой. Разувшись я также быстро, как и вошла, отправилась на кухню. Только сейчас я ощутила сильный голод и подумала о том, что человек за решеткой должен быть невероятно голоден, а значит и смирным.

Сделав на быструю руку десяток бутербродов, разложив их на фарфоровой тарелке, накрытой белоснежной салфеткой, и грузно выдохнув, я отправилась наверх.

Медленно поднимаясь по лестнице, тяжело хромая на правую ногу, я оторвала взгляд от бутербродов лишь после того, как на достаточном, для своей безопасности, расстоянии остановилась напротив запертой узорчатой решетки. Мой взгляд мгновенно пересекся со взглядом незнакомца, стоявшего напротив меня, и в воздухе повисла минутная тишина.

– Я раньше не видела тебя в городе, ты наверное недавно приехал, – я запнулась, смотря в холодно-отчужденные глаза молодого человека, – кхм... Сколько часов ты пробыл в этой комнате и как сюда попал?

– Часов, – с непонятной мне иронией повторил незнакомец. Только теперь, при свете ламп я могла четко разглядеть говорившего со мной. Это был парень лет двадцати трех\пяти, высокий, идеального телосложения, с изумрудными глазами и прекрасным гладким лбом.

Я назвала текущую дату и время, так как решила, что его ирония связана с тем, что он не до конца ориентируется во времени, но он молчал.

– Вот, ты, должно быть, голоден, я сделала бутерброды с сыром и ветчиной.

Всё ещё стоя максимально далеко от решетки, боясь что он резко высунет руку и притянет меня к себе, я протянула бутерброд с ветчиной. Около пяти секунд он смотрел прямо мне в глаза, после чего опустил руки, до этого скрещенные на груди, и сделал полшага в мою сторону. Медленно, чтобы, как мне показалось, не спугнуть меня, он протянул руку через решетку. Как только он дотронулся кончиками пальцев до протянутого мной бутерброда, я сразу же выпустила его из рук и отпрянула.

Дальше мы не продвинулись.

X

Осень окончательно вступила в права, утверждая свою позицию осыпая с деревьев позолоченную и окровавленную листву, сокращая часы дня, нагоняя сумерки с каждым днем на несколько минут раньше положенного им прежде времени, крича через дымоход камина необузданным воплем ветра и заставляя воробьев, в долгие холодные вечера, сбиваться в стайки под стрехой моего ветхого дома.

Уже больше недели я ежедневно хожу на работу. Мой рабочий день начинается в девять часов утра и заканчивается в пять часов вечера. Однако всё это время у меня отсутствовало желание возвращаться домой, поэтому я засиживалась в библиотеке до девяти вечера, перечитывая в очередной раз “Грозовой перевал” или наводя порядок в старых стеллажах, заполненными пыльными, много лет никем не читаемыми, книгами.

Каждый день просыпаясь в восемь утра, я шла в ванную, приводила себя в порядок, после чего завтракала, кормила Маффина и относила завтрак наверх молчаливому незнакомцу. Затем шел длинный, почти без посетителей, рабочий день, который заканчивался плотным ужином (так как я давно лишила себя нормального обеда). Каждое утро и каждый вечер я относила наверх порцию завтрака и ужина, и каждый раз пыталась заговорить с незнакомцем: спрашивала как ему спалось, желала приятного аппетита, говорила о хмурой погоде, – но всё тщетно. Незнакомец оставался молчаливым узником, которого я боялась выпустить, так как опасалась его агрессивного поведения направленного на меня, которое он проявил в самом начале и не позволял себе проявлять впоследствии. Однако я не забывала о том, наше знакомство чуть не стоило мне ноги, на которую я уже почти перестала хромать.

Всё дошло до того, что на выходных я также решила уйти на работу, а затем в лес, чтобы не оставаться в одном доме с тем, кто непрерывно, молча наблюдает за моими передвижениями по дому. Единственное место, где меня не было видно из его “клетки”, за исключением ванной, была кухня, на которой я начала проводить большее количество своего времени. Но жуткое чувство присутствия в доме живой души, которую я считала агрессором, заставляло меня дергаться даже здесь. Мне казалось, что он и здесь меня видит, из-за чего по спине часто пробегали холодные мурашки.

После завтрака я сразу же ложилась спать, чтобы не чувствовать себя подопытным зверьком, за которым наблюдают по другую сторону решетки. Однако сон ко мне не шел. Хотя я и накрывалась с головой тонким одеялом, поверх которого лежал красный шотландский плед, всё равно я всей спиной чувствовала, как оттуда, сверху, из-за решетки за мной наблюдает два холодных колких глаза. Засыпать приходилось в течении безумно длинного, вязкого часа и просыпаться по несколько раз за ночь из-за холода или воя ветра в дымоходе.

Сегодня, десятого октября, я впервые вернулась домой раньше прежнего. В библиотеке стало настолько холодно, что изо рта валил густой пар, и, как назло, дряхлый чайник, который достался мне по наследству от старухи-библиотекарши, отказался работать в самый ответственный момент – когда я хотела вскипятить себе первую кружку.

Так и не дождавшись окончания рабочего дня, я ушла без пятнадцати пять. По дороге домой я встретила Регину. Старушка стояла на крыльце своего дома с уже состряпанным яблочным пирогом. Она ежедневно передавала свои пироги через, всё более клеящегося ко мне, Макса. Эти малиновые, яблочные и черничные пироги, если честно, уже не лезли в горло. Вчерашний пирог я выкинула даже не попробовав. Маффин отказывался есть подобную пищу, по непонятным мне причинам узник также не любил пироги, каждый раз оставляя большие сдобные куски нетронутыми.

С Максом мы проводили ежедневно минимум час вместе. Он иногда заходил ко мне на работу и я позволяла проводить себя до дома, но с появлением узника в моей жизни, я пере-

стала приглашать Макса в дом ссылаясь на жуткий беспорядок, не смотря на его настойчивые попытки проникнуть внутрь. Он мне нравился, честно, как только может нравится друг – он всё это время был со мной рядом, если не учитывать онлайн-переписку с друзьями и менее частые созвоны, он – единственный, с кем я в живую так много общалась за прошедшее время. Однако я понимала, что я не смотрю на него, как на парня, которого хотелось бы поцеловать. А он на меня так смотрел. Это мешало нашему общению, поэтому *я старалась не впускать его в свою душу дальше пределов моего разума.*

Взяв пирог у дряхлой старухи с доброй улыбкой и необычайно синими глазами, я поинтересовалась её самочувствием, поблагодарила за подношение и отправилась к своему дому. Оставив тарелку с пирогом на крыльце, я открыла дверь в дом, после чего развернулась и зашла за северную стену дома, к которой прильнул сарай с дровами. Набрав большую охапку, я отправилась назад, и уже выходя из-за угла в испуге дёрнулась. Передо мной стоял высокий Макс и смотрел на меня своими большими черными глазами. Одно полено свалилось с верхушки пирамиды, которую я несла с немалым усердием, и чуть не отбило мне мою многострадальную правую ногу, но я вовремя подпрыгнула и еще два полена полетело к моим ногам.

– Что ты здесь делаешь? – Не очень дружелюбно спросила я.

– Бабушка сказала, что передала тебе пирог и я подумал, что мог бы составить тебе компанию за чашкой чая, – весело ответил Макс, нарочно не замечая моего недовольного тона в вопросе, подобрав три упавших полена и сейчас идя за моей спиной.

– Напрасно ты так думаешь, – ответила я, остановившись на крыльце, напротив открытой входной двери, – сегодня я хочу провести вечер с котом. Можешь положить это сверху, – сказала я, указывая взглядом на поднятые им поленья.

– Но кот не умеет рассказывать анекдоты, – укладывая поленья поверх всей охапки, отшутился он.

– Хорошее замечание, но сегодня в другой компании я не нуждаюсь.

С этими словами я закрыла входную дверь ногой и отправилась к камину, который находился между кухней и прихожей, вглядываясь своим открытым черным ртом в гостиную. Аккуратно уложив дрова возле камина, я выглянула в окно, и дождалась, когда Макс скроется за входной дверью своего дома, после чего отправилась за очередной охапкой дров. Когда я возвращалась из сарая с третьей охапкой, я остановилась и, не обращая внимания на тяжесть дров, с минуту смотрела вверх, на нависающие прямо над головой низкие серые тучи. Они словно замерли над моим домом и не собирались двигаться с места, ожидая, опаздывающего на встречу, поводыря-ветра. На улице было очень тихо, словно вся природа замерла, собираясь с силами перед тяжелой битвой. Было так тихо, что я услышала мерные шаги, доносящиеся через дорогу от меня. Обернувшись я заметила Катерину, тётку Макса, которая быстрыми шагами направлялась в мою сторону. Сделав вид, что я не поняла, что она идет именно ко мне, я отчего-то внутренне напряглась, как напрягаются перед какой-то неизвестной опасностью и таким же быстрым шагом, которым ко мне приближалась Катерина, отправилась к дому. Поспешно заперев за собой дверь, я с грохотом кинула брёвна рядом с прежде аккуратно сложенной кучей дров, после чего раздался стук в дверь. Такой гулкий, мощный, тягучий удар обычно принадлежит мужской части населения планеты, поэтому я немного вздрогнула от удивления, так как ожидала более слабый стук. И откуда в женской руке такая мощь? Пока я рассуждала об этом, в дверь снова постучали. Не знаю почему, но меня эти удары раздражали.

– Что-то важное? – Прокричала я не сходя со своего места так громко, что за дверью меня точно должны были услышать.

– Соль закончилась, не могла бы ты одолжить? – Наигранно молящим голосом попросила соседка.

– Ничем не могу помочь, – всё еще продолжая кричать со своего места, откликнулась я.

– Жаль соли? – Уже более прямым тоном послышалось в ответ.

– У самой закончилась вчера. Сходите к соседке через дорогу.

Еще полминуты я наблюдала через витражные окна прихожей за неподвижной тенью Катерины, но внезапно моё внимание отвлек оцетинившийся кот, который до этого спокойно сидел на подоконнике и смотрел на улицу, а сейчас лихо пробежал мимо меня на кухню. Переведя взгляд с убегающего кота на дверь, я не заметила больше признаков присутствия Катерины на своём крыльце и присела на корточки.

В доме было достаточно темно и очень холодно, поэтому когда огромный чёрный рот камина озарился ярким оранжевым светом, на душе стало немного лучше. Я решила заняться обрядом, который проделывала каждую ночь перед сном, немного раньше, а именно – закрыть огромные шторы в гостиной. Когда дело было сделано я обернулась и посмотрела вверх. Незнакомец сидел неподвижно, облокотившись спиной о южную стену, положив левую руку на левое подтянутое к груди колено и смотрел на неровный разгорающийся огонь в камине.

Подойдя к камину я подкинула пару пален и осталась довольна тем, что после зимы тётка решила почистить его, чем спасла меня сейчас от задымления. Отправившись на кухню я запекла большую, красивую картошку в мундире и состряпала огромную тарелку салата, заправленную моим любимым видом оливкового масла.

С каждым днём мне становилось всё сложнее жить под одной крышей с незнакомцем. Ощущение, будто я преступник, удерживаемый против воли человека и выжидающий момента, когда можно будет попросить за него баснословную сумму денег, начинало выжигать меня изнутри. В эти дни мне было очень тяжело психологически, возможно именно это и сказалось на моём прерывистом сне. Однако выпустить незнакомца не зная, переживу ли я этот момент, а если переживу, не вернется ли он по мою душу, я тоже не могла.

XI

Как обычно принеся поднос с едой узнику, я поставила его на пол. Весь процесс передачи еды был достаточно прост – на его стороне находилась, ранее переданная мной, одноразовая посуда, на которую, на безопасном расстоянии, я аккуратно перекладывала еду. Сейчас я аккуратно вилкой клала в его тарелку картошку в мундире.

– У тебя неправильное понятие о ужине.

– Прости? – Я не ожидала, что он заговорит со мной, поэтому сейчас выглядела очень глупо. Находясь в позе сэйдза (прим.*японская поза сидения на коленях) я умудрилась лечь грудью на свои ноги и сейчас, с протянутой рукой, смотря на него снизу вверх округленными глазами и чуть приоткрытым ртом, я действительно выглядела глупо. Почувствовав, что картошка соскальзывает с вилки я быстро докинула её до пункта назначения и выпрямилась.

– Ты плотно ешь на ужин.

– Это потому что я лишена нормального обеда.

– Почему во время обеда ты не идешь в кафе или столовую?

– Проблема с деньгами.

– Тогда почему не приходишь обедать домой?

Я не хотела говорить правду о том, что его присутствие меня угнетает, поэтому сначала решила солгать о том, что работа слишком далеко, но потом решила просто перенаправить вопрос.

– Ты что, голодаешь?

– Выпусти меня и не придется заботиться о моей пищи.

– Конечно не придется, ведь ей стану я.

Собеседник многозначительно посмотрел на меня.

– Последние десять дней я не расставалась с блогом, посвященному вампирам...

– О нет-нет-нет, только не говори, что ты отсталая.

Я смутилась.

– Вообще-то ты высосал не менее трехсот миллилитров из меня при нашем знакомстве.

– Однако ты сейчас кормишь меня обычной едой и я не погибаю от жажды крови и даже не иссох.

– Однако именно иссохшим я тебя и нашла.

– Один-один.

– Я не согласна на ничью.

– Хочешь выйти победительницей?

Я быстро перекинула в его одноразовую тарелку огромную порцию салата и, резко вскочив, отправилась вниз. Уже через минуту я снова стояла перед ним.

– Вот, съешь.

Он съел перекинутый через решетку зубчик чеснока не поморщившись.

– Не сегодня.

– Что “не сегодня”? – Не поняла я.

– Не сегодня тебе быть победителем.

Я выдохнула с облегчением. Он вопросительно на меня посмотрел.

– Стало легче, выкинув из головы всякий мистический подтекст о твоей личности, – пояснила я, садясь в позу лотоса на расстоянии, на котором до меня невозможно было бы дотянуться его крепким длинным рукам.

– Можешь выкинуть осиновый кол из-под подушки.

– Не смешно.

– Да, не смешно, – подтвердил он, доедая картошку.

– Если ты не вампир, тогда зачем кусал меня?

– В крови содержатся белки, железо, соль...

– Ладно. – Остановила его я, воспринимая его слова как издевательство. Наверное из-за теории о вампиризме он навсегда внес меня в список слабоумных. – Если я тебя выпущу, ты не причинишь мне вреда?

– Не хочу тебе врать. Я тебя убью.

Я напряглась.

– Тогда почему не убил меня сразу? – Бурно вырвалось из моей груди. – Только не говори, что из-за того, что я тебя укусила – не поверю. Я тебя даже прокусить не смогла, в отличие от...

– Я мог бы тебя прикончить даже через решетку, пока ты была в моих руках, – отрешенно прервал он меня, – достаточно было нажать на твою шею в нужном месте или перервать жилы на твоём запястье. Однако в какой-то момент я понял, что если не прекращу тебя загрызгать – твоя гибель неминуема и никто не сможет меня выпустить.

– Моё отсутствие первыми заметили бы соседи, вскоре взломали бы дверь и увидели мой холодный труп у двери. Ты бы дождался, когда они откроют твою дверь и переломал бы им всем хребты – вуаля и ты свободен.

– Я не серийный маньяк.

– Хочешь сказать, что ты маньяк, который заинтересован в убийстве всего одной персоны?

Молчание.

– За что меня убивать?

– “Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать” – он процитировал Крылова, – кстати, почему ты не попросишь помощи у соседей? Давно бы вместе меня открыли. Или ты действительно думаешь, что я всех перебью? У меня даже ножа нет.

Я молча встала и отправилась спать, закинув в камин с десяток поленьев. Было ужасно слышать, что он серьезно настроен покончить с моим существованием, при этом не рассказав за что. Однако я стала меньше его бояться. Ключ от замка у меня, клетка крепкая, и главное – я разозлилась. Я была зла на человека, который критикует мой рацион, при этом уплетает мои припасы и угрожает мне лишением жизни.

И в правду, почему я не попрошу помочь соседей? Я ссылалась на то, что самое безопасное – это держать хищника за морду, а не бежать от него в ожидании, когда он нагонит тебя и разорвет на части. Если я отпущу его на волю или даже сдам в правоохранительные органы, я не смогу контролировать его действия и буду находиться в вечном напряжении, боясь, что он ожидает меня в тёмном углу дома или придет однажды в пустующую библиотеку... Но, если честно, даже не поэтому я не просила помощи у соседей. Я просто не хотела пускать их в дом после того как поняла, что они слишком навязчиво просятся в гости.

На этот раз сон был крепкий. Я рано легла спать и проспала до половины восьмого утра. Отправившись на кухню я наткнулась на вчерашний яблочный пирог. Съев четверть пирога с тёплым чаем, я разрешила оставшееся и отнесла своему узнику вместе с чаем, думая о том, что злость делает меня храбрее, так как сегодняшнее утро выходного я решила провести в лесу, наслаждаясь осенью, а оставшийся день смело расположусь дома.

– Вот, – сказала я и, не теряя бдительности, аккуратно передала через решетку кусок угощения.

– Обычно ты говоришь “доброе утро”.

– Ты всё еще желаешь меня убить, выйдя за пределы своей клетки?

– Всё еще.

– Тогда ты не заслуживаешь моего “доброе утро”.

Я хотела уйти, но он меня остановил, что-то сказав.

– Что? – Переспросила я понимая, что не он тихо говорит, а я вдруг стала слышать хуже. Даже собственный вопрос в моих ушах прозвучал как приближенное эхо.

– Оставь пирог.

Я поставила пирог перед решеткой и отправилась вниз. Почему-то мне вдруг показалось, что я совсем не выспалась. На плечи упал груз минимум трехдневного недосыпания и я, еле как волоча своё тело, медленно опустилась на успевшую остыть кровать. Укутавшись в одеяло и плед, я провалилась в глубокий сон на большой пышной подушке.

Когда я проснулась в восемь вечера, я думала, что еще утро. Посмотрев на тихо тикающие часы, я пришла в ужас и хотела быстро встать, но у меня не получилось. Тело словно выдохлось, легкие отказывались нормально функционировать, а свинцовые ноги еле как передвигались по комнате, но мне безумно хотелось в уборную.

В доме было очень холодно, на улице тихо и мерно моросил осенний дождик, словно пытаюсь не досаждать мне своим присутствием.

После туалета мне стало гораздо лучше. Однако тело всё еще двигалось медленнее, чем хотелось бы. Разведя огонь в камине я отправилась на кухню и, поставив кастрюлю на плиту, ожидала кипения воды, чтобы закинуть упаковку магазинных пельменей. Казалось, что вода не собиралась сегодня закипать вообще и я, съезжившись и подобрав ноги под себя, обняла подрагивающие колени. Сидя на стуле я смотрела на капающие с крыши слёзы дождя. Наблюдая за их мерным отрыванием от края крыши, мне вдруг захотелось пить, однако я не сдвинулась с места, чтобы не спугнуть то незначительное тепло, которое я успела создать вокруг себя в этой холодной комнате.

Около пяти минут я варила пельмени, после чего залила их кетчупом и отправилась наверх. Впервые я взяла с собой две порции, решив поужинать с узником.

– Как ты не сходишь с ума, сидя вот так вот в четырех стенах и ничего не делая? – Спросила я после того, как его порция была перекинута через прутья клетки.

– Кто сказал, что я ничего не делаю?

Я вопросительно посмотрела на своего собеседника.

– Я собираю вот это, – и он показал потертый старый кубик Рубика.

– Раньше не видела его у тебя.

– А я раньше не ел пельмени с кетчупом и убежден, что это ужасно.

– Странно, я была уверена в том, что завернутое в тесто мясо, политое соусом кровавого цвета, тебе придется по душе.

– Мне было бы по душе, если бы начинкой этих пельменей была ты. Но – да, теперь мне действительно приятнее это употреблять.

– Наверное ты сектант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.